

ОБЕЗЬЯНЫИ ПИСЬМЕНА И ЗАГАДОЧНЫЕ «ЧИГАНАШКИ» (ОБ ОДНОМ АНЕКДОТЕ ИЗ БИОГРАФИИ А. М. РЕМИЗОВА)

С. Н. Доценко

(Таллинн)

Биография писателя А. М. Ремизова во многом складывается из анекдотов, которые мы находим как в его мемуарно-автобиографических книгах («Ахру», «Кукха», «Взвихренная Русь», «Учитель музыки», «Петербургский буерак», «Иверень», «Мышкина дудочка», «Мерлог»), так и в мемуарах его современников. При этом анекдоты в биографии Ремизова не есть что-то случайное, периферийное, без чего его биография как писателя могла бы обойтись. Создавая свою биографию, Ремизов сознательно ориентируется преимущественно на биографию-анекдот. В данном случае речь идет о типе биографии, который, как отметил Ю. М. Лотман, стал возникать еще в XIX в.:

Нормы биографии писателя складывались постепенно. В XVIII в. первый шаг внесения биографии писателя в культуру состоял в уравнивании его с государственным служащим. В этом отношении тяготение первых писательских биографий в России к стереотипам послужного списка не было недостатком или результатом «незрелости» их составителей, а вытекало из осознанной позиции. Однако существовала и противоположная тенденция, выразившаяся в циклизации вокруг имен выдающихся писателей анекдотических рассказов, складывающихся в целостный биографический миф (Лотман 1992: 373).

При этом Ю. М. Лотман склонен относить анекдотические биографии к разряду псевдобиографий¹. Но в случае с Ремизовым дело

¹ См.: «Потребность сохранить биографию того, кто в данной системе занял место “человека с биографией”, – культурный императив. Она приводит к рождению в ряде случаев мифологических, анекдотических и тому подобных псевдобиографий. Она

обстоит иначе – его анекдотическая *par excellence* биография претендует на статус истинной биографии. Сам Ремизов важную роль анекдота – в понимании его как личности – определил в разговоре с Н. Кодрянской: «А моя сущность? Только создавая легенду, сказку, можно объяснить существо человека» (Кодрянская 1959: 89)². Именно поэтому, создавая свою житейскую и одновременно писательскую биографию, Ремизов строит ее в значительной степени на анекдотах³. Анализ одного из таких анекдотов будет предметом нашей статьи.

В мемуарной книге «Петербургский буерак» Ремизов, вспоминая свою жизнь в Петрограде в годы революции, рассказывает анекдот:

Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке.

Обезьянье делопроизводство велось не на кириллице, всем понятной, на ней пишут книги и прошения, а на «глаголице», о которой редко кто слышал.

При обыске обратили внимание на фигурки – ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки – глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой

же рождает сплетни и спрос на мемуарную литературу. В этом отношении особенно характерна легкость, с которой эпические, новеллистические, киноповествовательные и прочие тексты подобного рода склонны циклизироваться, склеиваться в квазибиографии и превращаться для аудитории в биографическую реальность» (Лотман 1992: 367–368).

² В культурной системе XIX–XX вв. понятия «легенда», «сказка», «анекдот» становятся понятиями, сходными не только типологически, но и функционально. Особенно это верно применительно к А. Ремизову, который осознанно стремился стереть различия между *легендой о писателе* и *анекдотом о писателе*.

³ См., например, вывод исследовательницы А. д'Амелии о том, как А. Ремизов свой быт превращал в легенду: «Учитель музыки» и *есть та легенда, в которую превращает Ремизов свой парижский быт*: постоянная нехватка денег, утомительные поиски квартиры, переезды с одного места на другое, беседы и ссоры с консьержками и соседями, изобретение фантастических занятий, сулящих богатство, неудачные поездки на отдых – все, что так отравляет ежедневную жизнь человека, становится материалом «творимой легенды» писателя» (д'Амелия 2002: 461; курсив мой. – С. Д.). Подробнее об автобиографическом мифе А. Ремизова см. также: Доценко 1994: 33–40; Доценко 2003: 43–53; Доценко 2006: 102–138; Доценко 2007: 107–117.

азбуки. «Наша первая азбука, – сказал Горький, – глаголица, ученые думают, ее, а не кириллицу изобрели первоучители славянские, святые Кирилл Философ и Мефодий» (Ремизов 2003: 256).

Этот анекдот известен также из рассказа М. Горького, который записал К. Федин:

<...> Горький рассказывал мне однажды:

– В году восемнадцатом, когда вокруг, знаете ли, пенилось от событий, ночью зовут меня к телефону. Некий матрос, видите ли, непременно желает со мной разговаривать. Подхожу. Голос такой серьезный: «<...> Нам, говорит, вот тут понадобилась справочка. Мы сейчас в одном доме на Троицкой обыск делаем, так попали в комнату – ничего понять не можем: с потолка чегонашки разные свешиваются, картонные, а то – шерстяные, на стенках – ведьмаки да лешие, письма в закорючках, может, научные, не разберешь. И хозяин сам – не то колдун, не то домовый, а говорит – я, дескать, писатель. Застали его – он из раскрашенных бумажек бесенят клеит...» – «Постойте, говорю, фамилия его не Ремизов ли?» Матрос даже повеселел: «Значит, он вам и правда знаком? А мы, говорит, не поверили, что вы его знаете. Неужели он – писатель?» – «Да, говорю, и притом писатель известный, выдающийся». – «А мои братаны, говорит, попутались, как его увидели, думали – он не в своем уме». – «Именно, говорю, в своем, только ум у него чудак». – «Как же с ним быть?» – «Оставьте его в покое». – «А с чертями что теперь делать? – спрашивает. – Неудобно как-то». – «И чертей, говорю, оставьте в неприкосновенности». – «Всех?» – «Всех до одного» (Федин 1968: 111–112).

Версия анекдота, автором которой является Горький, несколько отличается от ремизовской версии. Во-первых, у Ремизова акцент сделан на подозрительных буквах глаголической азбуки («письмена в закорючках»), тогда как у Горького акцент сделан на странных «фигурках» – висящих в кабинете писателя Ремизова «чегонашках». Во-вторых, фабула анекдота тоже различается. Фабула анекдота в версии Горького такова: в квартире Ремизова на ул. Троицкой в Петрограде проходит обыск, и матросы приходят в недоумение от увиденных

«чертей», «ведьмаков да леших», которые развешаны по комнате⁴. Затем они узнают, что жилец («не то колдун, не то домовой») называет себя писателем Ремизовым, но не могут в это поверить и, вероятно, по просьбе самого Ремизова звонят по телефону Горькому. Последний подтверждает, что Ремизов – действительно известный писатель, хотя и необычный, и что писателя Ремизова надо оставить в покое, а его «чертей» («чегонашек») – «оставить в неприкосновенности».

Прежде всего надо уточнить место и время этого казуса с обыском. В 1917–1920 гг. Ремизов с женой, С. П. Ремизовой-Довгелло, жил в Петрограде по адресу: Васильевский остров, 14-я линия, д. 31, кв. 48. А в доме на ул. Троицкой (д. 4, кв. 1), который упомянут в мемуаре Федина, Ремизовы жили позднее, уже в 1920–1921 гг.⁵ Некоторые мемуаристы иногда путают эти два последних петроградских адреса Ремизова. Так, в мемуарах Ю. Анненкова читаем:

Но Ремизова или, вернее, Ремизовых я знал еще в период Первой мировой войны и в первые годы революции, в Петербурге. Я помню комнатку Алексея Михайловича в их квартирке на Троицкой улице, недалеко от ее впадения в Невский проспект, где на одном углу помещалась булочная и кофейная Филиппова, а на противоположном – ресторан-бар Квисисана (Анненков 1991: 199).

Очевидна ошибка Ю. Анненкова: в первые годы революции супруги Ремизовы жили не на ул. Троицкой, а на 14-й линии Васильевского

⁴ Колоритное описание ремизовских зверюшек и чудищ приводит И. Одоевцева (со слов Н. Гумилева): «Через всю комнату протянута веревка, как для сушки белья. “Они” – то есть Кикимора и прочая нечисть – все пристроены на ней. А за письменным столом сидит Алексей Михайлович, подвязав длинный хвост. Без хвоста он и писать не садится. Не верите? А я сам видел! <...> Ремизов сидит за столом, спиной ко мне, размахивая хвостом справа налево, слева направо. На табурете сидит, хвост высоко равномерно взлетает в воздух, будто мух отгоняет. А на веревке Кикимора и вся нечисть пляшут, кувыркаются. Я понял – вдохновение снизошло» (Одоевцева 1988: 210). Об игрушках («чудищах») А. Ремизова см. также: Кожевников 1910: 2; Измайлов 1911: 10–11; Грачева 1997: 185–215 (в статье А. Грачевой на с. 209–210 опубликована «Опись зверюшек и чудищ музея А. М. Ремизова»).

⁵ В квартиру на ул. Троицкая, д. 4 («Первый отель Петросовета») Ремизовы переехали в конце июня 1920 г. (см.: Обатнина 2018: 10–11).

острова, д. 31, кв. 48 (где у Ремизовых, кстати, был телефон). В пользу квартиры на Васильевском острове указывает и другое обстоятельство: именно в этой квартире была настенная роспись, включавшая текст, написанный большими глаголическими буквами⁶, поэтому матросы, пришедшие в квартиру Ремизова с обыском, могли увидеть те самые глаголические «письмена в закорючках» прямо на стене комнаты.

В версии анекдота, представленной в книге Ремизова «Петербургский буерак», фабула несколько иная – появляется мотив, которого нет в мемуарном рассказе Горького: якобы Ремизов сам позвонил Горькому, чтобы тот объяснил Г. Е. Зиновьеву, что глаголица – это не шифр или криптография, а первая славянская азбука, созданная Кириллом и Мефодием. То есть Горький объясняет это уже не матросам, которые пришли с обыском к Ремизову, а «петроградскому диктатору» (Изгоев 2017: 419) Зиновьеву, председателю Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Тогда выходит, что именно Ремизов научил Горького ответу на вопрос о том, что на самом деле означают загадочные «письмена в закорючках» (буквы глаголицы). В версии анекдота, рассказанной самим Ремизовым, досталось не только Зиновьеву, но и попутно наркомун просвещения Луначарскому, который также якобы не понимал, что это за «письмена в закорючках».

Необходимо уточнить: в каком именно году мог произойти этот анекдотический казус с глаголицей? Документально подтверждается факт ареста Ремизова (и обыска в его квартире⁷) не в 1918 г. (как следует из рассказа Горького), а в 1919 г., о чем Ремизов вспоминал в книге «Взвихренная Русь» в «Донесении старейшему князю обезьяньему Павлу Елисеевичу Щеголеву», написанном в духе

⁶ Фотографии этой настенной росписи см.: Алексей Ремизов 1994: 192–193 (илл. на вкладках; там же – две фотографии игрушек А. Ремизова, висящих на веревочках в комнате писателя).

⁷ 14 февраля 1919 г. Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Союза Коммун Северной области выписала ордер следующего содержания: «Произвести обыски и аресты проживающих в пределах Петрограда» (см.: Белоус 1996: 18). На основании этого ордера проводились аресты и обыски у всех, кто привлекался по «Делу левых социалистов-революционеров», в том числе и у А. Ремизова.

ремизовской игры-мистификации в Обезьянью Великую и Вольную Палату (Обезвөлволпал). Этот мемуарный текст является своего рода прототипом анекдота про глаголицу, из-за которой чуть не погибла «обезьянья палата»:

В ночь на Сретение, в великую метель и вьюгу по замыслу нечистой силы или от великого ума человеческого, произведен был обыск в Обезьянней-великой-и-вольной-палате и забран б. канцелярист обезвөлволпала. И в ту же ночь той же участи подверглись три обезьянних кавалера – К. С. Петров-Водкин, А. З. Штейнберг и М. К. Лемке; а на Карповке взят епископ обезьянский Замутий (в мире князь обезьянский Евг. Замятин), а на Забалканском кавал. обеззн. К. А. Сюннерберг-Эрберг, а на Загородном председатель (и не обезьянней) – Книжной Палаты С. А. Венгеров. Поименованные: Сюннерберг-Эрберг, епископ Замутий и председатель Венгеров, допрошенные на Гороховой, отпущены по домам, причем во время допроса у одного из потерпевших съедены были котлеты, хранящиеся на случай в портфеле –

«точно не знал, что места сии обитаемы разбойниками!»

На следующий день к ночи захвачен был кавал. обеззн. А. А. Блок, а другой кавал. Р. В. Иванов-Разумник отправлен со Шпалерной из Предварилки на Москву.

Полуночь по обедне через обезьяннего зауряд-князя было донесено о ночном происшествии в обезвөлволпале Алексею Максимо-вичу Горькому, и что делать: не вышло бы какой беды – написаны обезьянни грамоты на глаголице! – а на глаголице и такие ученые, как Пинкевич, и даже сам Н. Н. Суханов не понимает! А гулявший последние часы на свободе А. А. Блок, несмотря на праздничный день, проник во Дворец к самому наркому А. В. Луначарскому с жалобой на обезьянню неприкосновенность обезвөлволпала.

Так было ликвидировано, как говорится, восстание «левых с-р-ов» в Петербурге (Ремизов 2000: 208–209)⁸.

⁸ О так называемом «заговоре левых эсеров» в 1919 г. см. также: Иванова 1992: 89–92; Белоус 1996: 17–23.

Отметим, что в «Донесении старейшему князю обезьяньему...» встречаются мотивы, которые есть и в двух уже упомянутых версиях анекдота о глаголице:

- 1) подчеркиваемая Ремизовым связь обысков и арестов в феврале 1919 г. с «обезьяньей палатой» (Обезвельволпалом), причем из «Донесения старейшему князю обезьяньему...» явно следует, что эти аресты якобы преследовали прежде всего князей и кавалеров Обезвельволпала⁹;
- 2) упоминание Горького и наркома Луначарского в качестве тех влиятельных лиц, которые могли бы спасти «обезьянью палату»;
- 3) упоминание глаголицы, которая вызвала подозрение у петроградской ЧК («не вышло бы какой беды – написаны обезьяньи грамоты на глаголице!» – Ремизов 2000: 209) и которую «такие ученые, как Пинкевич, и даже сам Н. Н. Суханов не понимает!» (Ремизов 2000: 209).

Но кто такие ученые Пинкевич и Н. Н. Суханов? А. П. Пинкевич (1884–1937) – это революционер, меньшевик, сотрудник Наркомпроса, в мае 1918 г. Пинкевич возглавил Совет экспертов по народному образованию при Наркомпросе. В 1923 г. Пинкевич стал членом РКП(б), затем стал первым ректором Государственного педагогического института им. А. И. Герцена (1918–1920) и Уральского государственного университета (1920–1921), позднее стал ректором 2-го МГУ (1926–1930). В 1937 г. Пинкевич был репрессирован (см.: Главацкий 1993: 250–251). Н. Н. Суханов (1882–1940) – это тоже революционер, меньшевик-интернационалист, экономист. Редактор ежедневной с.-д. газеты «Новая жизнь» (в 1917–1918 гг.). После Октябрьской революции Суханов был членом ВЦИК, но в июне 1918 г. был исключен из ВЦИК вместе с другими меньшевиками и эсерами. Автор мемуарных «Записок о революции» (см.: Суханов 1919–1923). В 1937 г. Суханов был репрессирован, расстрелян в 1940 г.

⁹ О влиянии революционных событий 1917–1920 гг. на историю Обезвельволпала см. также: Доценко 1997: 305–320.

(см.: Корников 1993: 311–312)¹⁰. Пинкевич и Суханов, не разбирающиеся в глаголице, здесь оказываются в той же роли, в которой затем выступают Зиновьев и Луначарский – в версии анекдота, которая вошла в мемуарную книгу Ремизова «Петербургский буерак».

Следует заметить, что хронологически «Донесение старейшему князю обезьяньему...» предшествует ремизовскому же анекдоту о глаголице, из-за которой якобы чуть не погибла «обезьянья палата»: «Донесение старейшему князю обезьяньему...» впервые было опубликовано в главе «Лошадь из пчелы» книги «Взвихренная Русь» (см.: Ремизов 1926: 3–15), тогда как анекдот о глаголице, вошедший в книгу «Петербургский буерак», впервые был опубликован в главе «Петербургская русалия» книги «Пляшущий демон» (см.: Ремизов 1949: 52–59). В «Донесении старейшему князю обезьяньему...» основные мотивы анекдота еще только намечены: мотив глаголицы (как некоего тайного шифра) лишь обозначен, роль «ученых», не знающих о глаголице, отдана Пинкевичу и Суханову (замененным в книге «Петербургский буерак» на Луначарского и Зиновьева), да и главный мотив (спасение «обезьяньей палаты») еще не акцентирован. Сопоставляя эти две версии, мы получаем возможность наблюдать сам процесс возникновения и складывания ремизовского анекдота.

Рассказ Горького примечателен также тем, что в нем появляется странное слово «чегонашки». В известных словарях русского языка, включая «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, такого слова нет. Можно предположить, что у Горького использовано какое-то диалектное слово. И действительно, оно встречается в диалекте Среднего Поволжья. В мемуарах Федина оно, впрочем, отражено неточно: правильно будет не «чегонашки», а «чиганашки»¹¹. Так

¹⁰ Н. Н. Суханов упоминается в одном из снов А. Ремизова в книге «Взвихренная Русь»: «<...> Иванов-Разумник написал какую-то статью, статья очень понравилась Шестову. Я об этом рассказываю Иванову-Разумнику. Мы в Москве, в лавке, я жду лимона. А мне дают брусничной эссенции. <...> А по улице и всё верхом на конях гимназисты. – приехал к нам из Петербурга Н. Н. Суханов с докладом. Он очень помятый и встрепанный, все на часы смотрит: боится опоздать» (Ремизов 2000: 117).

¹¹ Возможно, что К. Федин, воспроизводя рассказ М. Горького, неверно записал на слух слово «чиганашки», а зафиксированная им версия этого малопонятного слова («чегонашки») представлялась ему, вероятно, более осмысленной. Впрочем,

в диалекте Среднего Поволжья называли русалку: «В Ульяновском Присурье помимо термина “русалка” для данных персонажей существуют названия “шутовка”, “чиганашка”, “лешенька»» (Сафронов, Морозов 2012: 118). «Чиганашки» как представители «нежити разноросортной» упомянуты в рассказе А. Аверченко «Несколько слов по поводу этого, которое» (1920):

Много всякого выползло, вышагнуло, выпрыгнуло и закружилось около путника в безумном хороводе: незакопанные покойники с веревкой на шее, вурдалаки, нежить разноросортная, синие некрещенные младенцы с огромными водяночными головами и тонкими цепкими лапками, похожие на пауков, – шишиги, упыри, *чиганашки* – все, что неразборчивая и небрезгливая ночь скрывает в своих темных складках (Аверченко 2014: 5; курсив мой. – С. Д.).

Ранее слово «чиганашки» промелькнуло в путевом очерке «Финикия» А. М. Федорова (1868–1949)¹²:

Это в первый раз я заметил со стороны русского мужика не деликатное отношение к чужой религии. Самое большее, что проявлялось в этих случаях к иноверцам – сожаление.

– Ведь вот, – говорит мне старик из Самарской губернии, – сколько народу пропасть должно!

Он с сокрушением кивает головой на черных арабов-лодочников и на этот цветущий берег, где живут такие же черные люди, и вздыхает на них.

– Почему же пропасть?

– А как же. В нашего Бога не веруют. Тут молись – не молись своему Богу – греху не поможешь. Да и слыхано ли дело, чтобы таких черномордых да в Царство Небесное пускали. Чистые *чиганашки*, прости Господи (Федоров 1912: 114; курсив мой. – С. Д.).

в диалектологических исследованиях встречаются различные версии написания этого слова: «чиганашки», «чеганашки» или «чаганашки» (см.: Сафронов 2012: 450). См. также: Корепова 2007: 91.

¹² О писателе А. М. Федорове см. также: Литературная энциклопедия 1939: 678; Чертков 1972: 912; Аникеева 2019: 409–412.

Словом этим здесь у Федорова названы темнокожие арапы (эфиопы). А поскольку в народном сознании «арап» («мурин», «эфиоп») устойчиво отождествлялся с чертом (бесом)¹³, можно сделать вывод, что в данном случае слово «чиганашки» – синоним слова «черти» (тогда как в диалекте оно могло обозначать и всякую другую нечистую силу). Отметим также, что в очерке Федорова это слово появляется в устах русского мужика из Саратовской губернии, т. е. выходца из Среднего Поволжья¹⁴.

В 1908 г. это слово («чиганашки») появится в подписи к шаржированному портрету Ремизова, который напишет художник Ре-Ми (Н. В. Ремизов):

Специалист по чертям. Среди нежити чувствует себя, как дома. Шишигу от *чиганашки* различает с первого взгляда. Занят составлением монографии о кикиморах. Если на том свете попадет в рай – будет чувствовать себя прескверно. Любимый герой его – бес Аратырь (Ре-Ми 1908: 12; курсив мой. – С. Д.).

*

Глаголица в документах «обезьяньей палаты» Ремизова породила еще один курьезный случай, о котором мы узнаем из мемуарного рассказа М. В. Безродного, одного из первых исследователей творчества писателя:

В 1975 году Лотман помешал сделать открытие и тем спас от профессионального позора. Местом действия был рукописный отдел

¹³ Ср.: «Мурин (иноск.) – “нечистый”» (Михельсон 1912: 445).

¹⁴ Сам писатель А. М. Федоров – уроженец Саратова, так что слово «чиганашка» могло быть ему хорошо знакомо. В его романе «Степь сказала» (1897) оно встречается в значении «леший»: «Едва он вышел, Груня, красная, как пион, вышла из угла и через силу произнесла сквозь смех: – Ой, батюшки! Даже в животе закололо. Чистый *чиганашка* леший, прости, господи, – и опять залилась смехом» (Федоров 1981: 223; курсив мой. – С. Д.). См. также в рассказе «Святая душа» (1896) А. Н. Будищева, еще одного уроженца Саратовской губернии: «Грешник, грешник, грешник! – восклицает бродяга шипящим голосом и подскакивает на лавке. – Посадят тебя на том свете на горячую сковородку, да сеном-то и обложат, да и подожгут! И сбегутся к тебе со всех сторон шишиги хвостатые, *чиганашки красноглазые*, ведьмы зеленобрюхие <...>» (Будищев 1901: s. p.; курсив мой. – С. Д.).

Библиотеки Ленина, сотрудники коего чудесным образом выдали на просмотр ремизовские «обезьяньи грамоты». Чудесным даже вдвойне, потому что: 1) рукописи выдали первокурснику – правда, в направлении от Тартуского университета указывалось просто: «студенту филологического факультета», и 2) выдали рукописи эмигранта, в то время не изучавшегося вовсе, – правда, в упомянутой бумаге тема занятий была сформулирована довольно хитроумно: «Горький и Ремизов – борцы с мещанской идеологией». Вписать Горького и борьбу посоветовала Зара¹⁵; с помощью этого мандата предполагалось составить общее представление об объеме и характере ремизовского наследия в крупных столичных архивах. Бдительное начальство рукописных отделов Публичной библиотеки и Пушкинского Дома в знакомстве с манускриптами идейного борца отказало без колебаний и объяснений, а вот москвичи повели себя легкомысленно.

Это были первые в жизни Настоящие Рукописи, и хотелось тут же «привычно вооружиться лупой», но почерк оказался до обидного разборчивым. Зато закорючки на печатях Обезьяньей Палаты напоминали «пляшущих человечков»¹⁶, т. е. наверняка являли собою буквы придуманного Ремизовым алфавита. Хмель тайны ударил в юную голову, в воздухе запахло изысканнейшей из пряностей – лаврами Шампольона, и дистрибутивный анализ начался. Уже были определены словоразделы, выдвинута и отвергнута гипотеза об использовании консонантного письма, когда в рукописном отделе появился Лотман.

– Здравствуйте, коллега, – молвил он учтиво. – Отрадно видеть, что наши студенты даже каникулярное свое время отдают труду в библиотеке. Чем занимаетесь? – и, с любопытством заглянув в составляемые таблицы, придал голосу сверхпочтительную

¹⁵ Зара – З. Г. Минц (1927–1990), профессор Тартуского государственного университета, научный руководитель М. В. Безродного. В 1977 г. была опубликована первая статья Безродного о творчестве А. Ремизова «Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова» (см.: Безродный 1977: 98–109).

¹⁶ Отсылка к рассказу Артура Конан Дойла «Пляшущие человечки» (1903), в котором упоминается загадочный шифр с использованием изображений пляшущих человечков.

модуляцию: – О, глаголицу разбираете! Что ж, успехов, не буду мешать (Безродный 1996: 58–59).

Последний анекдот (уже из научной биографии М. В. Безродного) демонстрирует способность писателя Ремизова создавать своеобразное «анекдотическое пространство» вокруг своей личности не только при жизни, но и после смерти¹⁷. Иными словами, Ремизов сумел запустить механизм мифотворчества, который продолжает работать и без его непосредственного участия, и тогда создателями (и персонажами) новых анекдотов о нем становятся лица, которые так или иначе причастны к его биографии и творчеству.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверченко А. Т. 2014. Собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 12: Рай на земле / Сост., подготовка текста С. С. Никоненко. Комментарии В. Д. Миленко и С. С. Никоненко. М.: Издательство «Дмитрий Сечин».
- Алексей Ремизов 1994. Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин».
- Аникеева Ю. Н. 2019. Федоров Александр Митрофанович. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 6. М.; СПб.: Большая российская энциклопедия; Нестор-История. С. 409–412.
- Анненков Ю. 1991. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т. 1. Л.: Издательство «Искусство». Ленинградское отделение.
- Безродный М. 1977. Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова. – Сборник трудов СНО филологического факультета. Русская филология. [Вып.] V. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 98–109.
- Безродный М. В. 1996. Конец цитаты. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Белоус В. Г. 1996. Александр Блок в «Деле левых социалистов-революционеров»: По материалам архива ФСБ (СПб.). – Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сборник статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878–1946). Личность. Творчество.

¹⁷ Примечательно в этой связи наблюдение И. Одоевцевой: «Легенды о том или ином человеке обыкновенно возникают после его смерти. Но Ремизову удалось самому создать легенду о себе. Другие, конечно, помогали ему в этом, разнося слухи и сплетни. И он этому очень радовался» (Одоевцева 1988: 210).

- Роль в культуре» (Царское Село. 16–17 марта 1996 г.). СПб.: Глаголь. С. 17–23.
- Будищев А. Н. 1901. Разные понятия: Двадцать рассказов. СПб.: Издание А. С. Суворина.
- Главацкий М. Е. 1993. Пинкевич Альберт Петрович. – Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия. С. 250–251.
- Грачева А. М. 1997. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек»). – Русская литература. № 1. С. 185–215.
- Д’Амелия А. 2002. «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова. – Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия. М.: Русская книга. С. 449–464.
- Доценко С. Н. 1994. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова. – Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин». С. 33–40.
- Доценко С. 1997. Обезвельволпал А. М. Ремизова как зеркало русской революции. – *Europa Orientalis*. [Vol.] XVI. N° 2. P. 305–320.
- Доценко С. 2003. «И к злодеям причтен»: Тема предательства в поэме А. Ремизова «Иуда». – Алексей Ремизов: Исследования и материалы = *Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti* / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д’Амелия. СПб.; Салерно: *Europa Orientalis*; *Puskinskij Dom*. С. 43–53.
- Доценко С. 2006. «Библией мух бьете!»: Автобиографический миф А. Ремизова. – Блоковский сборник. [Вып.] XVII: Русский модернизм и литература XX века. Тарту: *Tartu Ülikooli Kirjastus*. С. 102–138.
- Доценко С. Н. 2007. А. М. Ремизов и Ф. М. Достоевский: Поэтика палимпсеста. – Русская литература. № 4. С. 107–117.
- Иванова Е. 1992. Об аресте Александра Блока в 1919 году. – Филологические науки. № 4. С. 89–92.
- Изгоев А. С. 2017. Рожденное в революционной смуте. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- [Измайлов А. А.] 1911. В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция. – Огонек. 29 октября (11 ноября). № 44. С. [10–11].
- Кодрянская Н. 1959. Алексей Ремизов. Париж: [б. и.].
- Кожевников П. 1910. Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф). – Утро России. 7 сентября. № 243. С. 2.

- Корепова К. Е. 2007. Водяной, русалки, колотовки, шишиги, водяные чертовки. – Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова. С. 88–91.
- Корников А. А. 1993. Суханов Николай Николаевич. – Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия. С. 311–312.
- Литературная энциклопедия 1939. Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. Т. 11. М.: Художественная литература.
- Лотман Ю. М. 1992. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора). – Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра. С. 365–376.
- Михельсон М. И. 1912. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб.: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон».
- Обатнина Е. Р. 2018. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: Начало эмиграции. 1921–1922 гг. – Литературный факт. № 7. С. 8–45.
- Одоевцева И. В. 1988. На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Художественная литература.
- Ре-Ми [Ремизов Н. В.]. 1908. Алексей Ремизов. – Сатирикон. № 7. С. [12].
- Ремизов А. 1926. Из книги «Взвихренная Русь». VII. Лошадь из пчелы. – Воля России. № 3. С. 3–15.
- Ремизов А. 1949. Пляшущий демон: Танец и слово. Париж: [б. и.].
- Ремизов А. М. 2000. Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Русская книга.
- Ремизов А. М. 2003. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга.
- Сафронов Е. В., Морозов И. А. 2012. Особенности «низшей мифологии» Ульяновского Присурья. – Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 1. М.: Индрик. С. 117–122.
- Сафронов Е. В. 2012. Русалка. – Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2. М.: Индрик. С. 450–457.
- Суханов Н. Н. 1919–1923. Записки о революции. Кн. 1–7. Пб.: Издательство З. И. Гржебина.
- Федин К. 1968. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М.: Советский писатель.

- Федоров А. М. 1912. Финикия: Из книги «Солнце Жизни». – Нива. № 6. С. 114–115.
- Федоров А. М. 1981. Степь сказала: Роман и рассказ / Подготовка текста, предисловие и комментарии М. Г. Рахимкулова. Уфа: Башкирское книжное издательство.
- Чертков Л. Н. 1972. Федоров Александр Митрофанович. – Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия. Стб. 912.

REFERENCES

- Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy.* Edited by A. M. Gracheva. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin," 1994.
- Anikeeva, Iu. N. "Fedorov Aleksandr Mitrofanovich." In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Vol. 6, 409–12. Moscow and Saint Petersburg: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia, 2019.
- Annenkov, Iu. *Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragedii.* Vol. 1. Leningrad: Izdatel'stvo "Iskusstvo." Leningradskoe otdelenie, 1991.
- Averchenko, A. T. *Sobranie sochinenii.* 13 vols. Vol. 12, *Rai na zemle.* Edited by S. S. Nikonenko. Annotated by V. D. Milenko, and S. S. Nikonenko. Moscow: Izdatel'stvo "Dmitrii Sechin," 2014.
- Belous, V. G. "Aleksandr Blok v 'Dele levykh sotsialistov-revoliutsionerov': Po materialam arkhiva FSB (SPb.)." In *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture: Sbornik statei po materialam konferentsii "Ivanov-Razumnik (1878–1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture" (Tsarskoe Selo. 16–17 marta 1996 g.)*, 17–23. Saint Petersburg: Glagol, 1996.
- Bezrodnyi, M. "Genezis leitmotivov u A. M. Remizova." In *Sbornik trudov SNO filologicheskogo fakul'teta. Russkaia filologiiia.* Vol. 5, 98–109. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1977.
- . *Konets tsitaty.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 1996.
- Budishchev, A. N. *Raznye poniatiia: Dvadsat' rasskazov.* Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 1901.
- Chertkov, L. N. "Fedorov Aleksandr Mitrofanovich." In *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia.* Vol. 7, 912. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1972.
- D'Amelia, A. "Avtobiograficheskoe prostranstvo' Alekseia Remizova." In *Sobranie sochinenii*, by A. M. Remizov. Vol. 9, *Uchitel' muzyki: Katorzhnaia idilliia*, 449–64. Moscow: Russkaia kniga, 2002.

- Dotsenko, S. N. "‘Avtobiograficheskoe’ i ‘apokrificheskoe’ v tvorchestve A. Remizova." In *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy*. Edited by A. M. Gracheva, 33–40. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin," 1994.
- . "Obezvelvolpal A. M. Remizova kak zerkalo russkoi revoliutsii." *Europa Orientalis* 16, no. 2 (1997): 305–20.
- . "‘I k zlodeiam prichten’: Tema predatel'stva v poeme A. Remizova ‘Iuda.’" In *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy. Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti*. Edited by A. M. Gracheva, and A. d'Amelia, 43–53. Saint Petersburg and Salerno: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 2003.
- . "‘Bibliiei mukh b'ete!': Avtobiograficheskii mif A. Remizova." In *Blokovskii sbornik*. Vol. 17, *Russkii modernizm i literatura 20 veka*, 102–38. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006.
- . "A. M. Remizov i F. M. Dostoevskii: Poetika palimpsesta." *Russkaia literatura* 4 (2007): 107–17.
- Fedin, K. *Gor'kii sredi nas: Kartiny literaturnoi zhizni*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1968.
- Fedorov, A. M. "Finikiia: Iz knigi ‘Solntse Zhizni’." *Niva* 6 (1912): 114–15.
- . *Step' skazalas': Roman i rasskaz*. Prefaced, edited and annotated by M. G. Rakhimkulov. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981.
- Glavatskii, M. E. "Pinkevich Al'bert Petrovich." In *Politicheskie deiateli Rossii 1917: Biograficheskii slovar'*, 250–51. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1993.
- Gracheva, A. M. "Aleksei Remizov i Pushkinskii Dom (Stat'ia pervaiia. Sud'ba remizovskogo ‘muzeia igrushek’)." *Russkaia literatura* 1 (1997): 185–215.
- Ivanova, E. "Ob areste Aleksandra Bloka v 1919 godu." *Filologicheskie nauki* 4 (1992): 89–92.
- Izgoev, A. S. *Rozhdennoe v revoliutsionnoi smute*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017.
- [Izmailov, A. A.] "V volshebnoe tsarstvo: A. M. Remizov i ego kolleksiia." *Ogonek*. October 29 (November 11), 1911.
- Kodrianskaia, N. *Aleksei Remizov*. Paris: n. p., 1959.
- Korepova, K. E. "Vodianoi, rusalki, kolotovki, shishigi, vodianye chertovki." In *Mifologicheskie rasskazy i pover'ia Nizhegorodskogo Povolzh'ia*. Edited by K. E. Korepova, N. B. Khramova, and Iu. M. Shevarenkova, 88–91. Saint Petersburg: Tropa Troianova, 2007.

- Kornikov, A. A. "Sukhanov Nikolai Nikolaevich." In *Politicheskie deiateli Rossii 1917: Biograficheskii slovar'*, 311–12. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1993.
- Kozhevnikov, P. "Kollektsiia A. M. Remizova (Tvorimyi apokrif)." *Utro Rossii*. September 7, 1910.
- Literaturnaia entsiklopediia*. 11 vols. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1939.
- Lotman, Iu. M. "Literaturnaia biografiia v istoriko-kul'turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)." In *Izbrannye stat'i*. 3 vols. Vol. 1, *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*, 365–76. Tallinn: Aleksandra, 1992.
- Mikhel'son, M. I. *Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii*. Saint Petersburg: Tipografiia Aktsionernogo Obshchestva "Brokgauz-Efron," 1912.
- Obatnina, E. R. "Etiudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: Nachalo emigratsii. 1921–1922 gg." *Literaturnyi fakt* 7 (2018): 8–45.
- Odoevtseva, I. V. *Na beregakh Nevy: Literaturnye memuary*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988.
- Re-Mi [N. V. Remizov, pseud.]. "Aleksei Remizov." *Satirikon* 7 (1908): [12].
- Remizov, A. "Iz knigi 'Vzvikhrennaia Rus'.' VII. Loshad' iz pchely." *Volia Rossii* 3 (1926): 3–15.
- . *Pliashushchii demon: Tanets i slovo*. Paris: n. p., 1949.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 5, *Vzvikhrennaia Rus'*. Moscow: Russkaia kniga, 2000.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 10, *Peterburgskii buerak*. Moscow: Russkaia kniga, 2003.
- Safronov, E. V. "Rusalka." In *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'ianovskogo Prisur'ia: Etnodialektnyi slovar'*. Vol. 2, 450–57. Moscow: Indrik, 2012.
- Safronov, E. V. and I. A. Morozov. "Osobennosti 'nizshei mifologii' Ul'ianovskogo Prisur'ia." In *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'ianovskogo Prisur'ia: Etnodialektnyi slovar'*. Vol. 1, 117–22. Moscow: Indrik, 2012.
- Sukhanov, N. N. *Zapiski o revoliutsii*. 7 vols. Petersburg: Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1919–1923.